

Большой театр. — 2001. — май (№ 3). — с. 5

СТОЛЕТИЕ МЕФИСТОФЕЛЯ

Столетие баса Евгения Васильевича Иванова Большой театр отметил концертом в Бетховенском зале 27 апреля. Время карьеры этого певца в Большом пришлось на одну из самых блестящих эпох театра. Выступая на его сцене с 1944-го по 1958 год, певец занимал особое место в труппе. Талант этого баса не становился менее заметным в сиянии звезд его великих современников. Имя Евгения Иванова вспоминают и сегодня во многом благодаря тому, что он воспитал многих учеников. На концерте в память о своем учителе выступили Владимир Маторин, Николай Низиенко и Владимир Захаров. Вел концерт ученик Евгения Васильевича Юрий Шустров.

О своем старшем современнике и коллеге рассказал ИВАН ПЕТРОВ:

В 1942-м году волею судеб я оказался в Алма-Ате. Первым, что я увидел на улице, была афиша оперы «Иван Сусанин». Решил пойти. Когда на сцену вышел Сусанин — Евгений Иванов, я не смог сдержать возгласа удивления, настолько хорошо он пел. У него был замечательный голос, удивительно ровный во всех регистрах. Всю партию он провел — так мягко, что меня просто покорило. Но я тогда и не подозревал, что через два года мы с Евгением Васильевичем встретимся в стенах Большого театра и будем петь один и тот же репертуар.

Я поступил в Большой театр в 1943 году, а Евгений Иванов пришел через год. Тогда басовая группа в труппе насчитывала 17 человек, только ведущих певцов, куда входили в том числе Александр Пирогов, Рейзен, Михайлов, Кривченко, которых природа наградила изумительными голосами и актерскими способностями. Несмотря на это, художест-

венное руководство театра искало новых певцов. Пригласили Николау — из Театра Станиславского, Щеголькова из Свердловского театра, Иванов пришел из Алма-Аты. Работать в Большом было очень почетно, даже петь небольшие партии. Но, с другой стороны, когда начинаешь петь серьезный репертуар, на который и пришел Иванов, надо держаться на очень высоком уровне. Надо соответствовать. Помню, как Иванов пел Греммина в «Онегине». Он был очень высокого роста, эффектно появлялся на сцене и пел арию необыкновенно ровно, очень красивым звуком. Пел он и Рене в «Иоланте», а эта партия требует более широкого по диапазону и более плотного голоса, чем партия Греммина, но Евгений Васильевич и с нею прекрасно справлялся.

Самое главное, он пел, никогда не форсируя голос, а звук у него был полетный, очень хорошо шел в зал. Никогда не было никакой аффектации в его исполнении, он имел хороший вкус, наивное, врожденный.

В «Руслане и Людмиле» я пел Руслана, а Евгений Васильевич — Фарлафа. После тех певучих партий, о которых я говорил, он в Фарлафе меня удивил. Я не ожидал, что он сумеет так изменить свой звук для этой партии, спеть Фарлафа так собранно и полетно, и последняя верхняя нота фа у него замечательно звучала.

Иванов был большим профессионалом. Он пел и Галицкого в «Князе Игоре», и Рамфиса в «Аиде», и Мефистофеля в «Фаусте». Мефистофеля Иванов пел особенно хорошо. В этой партии особенно проявлялась его актерская одаренность. Мефистофель Иванова был джентльменом.

Евгений Васильевич был прекрасным человеком, его все любили. Я никогда не слышал, чтобы Иванов на кого-нибудь поднял голос. Он в настоящем, глубоком смысле этого слова был интеллигентом. И вид у него был, как у старого русского интеллигента. Он носил пенсне, ходил с тросточкой, одевался в элегантные костюмы, носил галстуки-бабочки. Надо было видеть, как он появлялся в театре, как он шел по коридору. Иванов обладал замечательным чувством юмора. Однажды он рассказал мне после очередного спектакля «Фауст»: «Случилась со мной на сцене чертовщина!» А я должен сказать, что в кабине у Фауста на столе были книги, а над ними — глобус из толстой проволоки, обтянутой материей. Мефистофель должен был появляться из-под этого глобуса, а глобус специальный механизм поднимал вверх, над Мефистофелем. Мефистофель подставлял руку, будто бы держа глобус, и пел: «Вот я! Весь мир в моих руках!» И вот Иванов говорит мне: «Вчера я жду своего выступления, звучит моя музыка, механизм поднимает меня из-под сцены, а другой, который должен поднимать надо мной глобус, не включился. И мне пришлось на своих плечах поднять этот глобус, а ведь мне петь монолог, и в конце брать «фа»!» Когда я пел следующий спектакль «Фауст», очень боялся, что со мной произойдет то же самое. Но пронесло. А когда после следующего спектакля Иванова я его встретил, он говорит: «Ты представляешь, черт возьми, то же самое произошло и вчера!» Евгений Васильевич очень любил рассказывать смешные истории и анекдоты, правда, политические анекдоты мы никогда не рассказывали.

Евгений Иванов — Мефистофель (1955)

В конце своей работы в театре Иванов начал преподавать и делал это превосходно, воспитал много талантливых учеников. Мы не должны забывать Евгения Васильевича Иванова. Его нет среди нас, но ему все равно хвала и честь!

Материал подготовила ИРИНА КОТКИНА